Социальные сети петербуржца начала двадцатого века

А. Б. Лярский

Для цитирования: Лярский А. Б. Социальные сети петербуржца начала двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 398–415. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.205>

В статье рассматриваются дневники наружного наблюдения полиции как исторический источник по истории городской антропологии и истории социальных сетей петербуржца начала XX в. Дневники наружного наблюдения могут быть представлены как проекция возрастных, профессиональных и общественных интересов человека на карту конкретного города. Кроме того, дневники наружного наблюдения могут помочь реконструкции тех социальных сетей, с которыми мог быть связан горожанин начала XX в. Выборка сформирована на основании методики контрастных случаев. В выборку включены случаи легальных и нелегальных оппозиционеров, случайных горожан, представителей разных возрастных и профессиональных категорий, мужчины и женщины — всего 30 дневников наружного наблюдения за 1905–1915 гг. Этого достаточно для качественных выводов. Устанавливаются различия между официальной и визуальной стратификацией столичного социума начала XX в. Визуальная стратификация представляется интеллигентоцентричной. Интеллигент в данном контексте — горожанин с соответствующим стилем поведения, одеждой и манерами. Интеллигенция по умолчанию становилась визуальной доминантой социального столичного пространства. Существенными оставались гендерная и возрастная дифференциации. При этом в тех слоях, которые представляются нам маргинальными, происходило размывание привычных границ — артистки и революционерки чаще общались с мужчинами, чем с женщинами, что нетипично для социальных сетей начала XX в. Таким образом, современность формировалась сначала в повседневности малых групп. С точки зрения анализа дневников наружного наблюдения городское пространство и формировало, и материально закрепляло систему социальных отношений модерна, что позволяло ей проходить через коллизии XX в. с удивительной степенью сохранности.

Ключевые слова: социальные сети, урбанистика, тайная полиция, Петербург начала XX в., революционное движение, Кнунянц.

Александр Борисович Лярский — канд. ист. наук, доц., Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского университета технологий и дизайна, Российская Федерация, 191180, Санкт-Петербург, пер. Джамбула, 13; lam732007@yandex.ru

Aleksandr B. Liarsky — PhD in History, Associate Professor, The Higher School of Printing and Media of St. Petersburg State University of Technology and Design, 13, per. Djambula, St. Petersburg, 191180, Russian Federation; lam732007@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта МАГ. Конкурс 2010–2011 гг. Индивидуальный проект «Повседневность российского горожанина (конец XIX — начало XX в.) по материалам дневников наружного наблюдения охранных отделений».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Social Networks of Residents of St. Petersburg in the Beginning of the Twentieth Century

A. B. Liarsky

For citation: Liarsky A. B. Social Networks of Residents of St. Petersburg in the Beginning of the Twentieth Century. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 2, pp. 398–415. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.205>

This article deals with the logs of police directed surveillance as a historical source on the history of the urban anthropology and history of social networks of residents of St. Petersburg at the beginning of the 20th century. Directed surveillance logs can be represented as a projection of age-specific, professional and public interests of a man onto the map of a given city. In addition, directed surveillance logs enable to reconstruct the social networks of the beginning of the 20th century. The sample was formed on the basis of contrasting cases method. It includes 30 logs dating back to years 1905–1915. The article identifies differences between the official and visual stratification in the metropolitan community at the beginning of the 20th century. Visual stratification seems to have been intellectual-centered. An intellectual within the given context is a city dweller featuring distinct behavior, clothes and manners. Thus, intellectuals became by default the visual dominant of metropolitan social space. Gender and age differentiation remained fundamental. That said, conventional boundaries were blurring in the social strata that we consider to have been marginal: actresses and revolutionary women more often communicated with men than with women, which was not typical of the social networks at the beginning of 20th century. Thus, modernity first emerged in the day-to-day life of small groups. From the point of view of the analysis of direct surveillance logs, urban space was both shaping and materially securing the modernist system of social relations, which enabled it to survive the conflicts of the twentieth century with an remarkable degree of integrity.

Keywords: social network, urban, the secret police, St. Petersburg of the early twentieth century, the revolutionary movement, Knunyanets.

История службы наружного наблюдения в департаменте полиции известна и хорошо исследована¹. Наружное наблюдение постоянно применялось в полиции дореволюционной России, но его формализация, более профессиональная постановка дела, выработка правил и должностных инструкций — все это приходится на конец XIX — начало XX в. Однако в данном случае нас интересуют не сама по себе служба наружного наблюдения, и не итоги ее работы, связанные с разоблачением тех или иных революционных ячеек, а документы, которые были, так сказать, промежуточным результатом работы, — дневники наружного наблюдения.

Что они собой представляли? В 1902, 1905 и 1907 гг. разрабатывались должностные инструкции, регламентировавшие и детализировавшие деятельность филёров. Согласно наиболее подробно разработанным документам 1907 г. «все сведения по наружному наблюдению за каждым отдельным лицом записываются фи-

¹ См. прежде всего: Школа филеров // Былое. 1917. № 3 (25). С. 40–67; Перегудова З. И.: 1) Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000; 2) Служба наружного наблюдения в русской полиции // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. М., 1995. С. 255–274; Фомушкин А. Страницы истории филерской службы политической полиции (1880–1917 годы) // Жандармы России. СПб.; М., 2002. С. 355–393.

лёрами в вечерние рапортчики. В дальнейшем сведения по наблюдению за лицами, принадлежащими к одной и той же организации, переписываются и соединяются в дневники наблюдения за определенным период времени...»². О том, какие именно данные фиксировались в процессе слежки, можно узнать из подробной «Инструкции по организации наружного (филёрского) наблюдения»:

«§ 10. Наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей /знакомства/ и сношений. Вследствие этого недостаточно вводить одно данное лицо, а надо выяснить лиц, с которыми оно видится, и чьи квартиры посещает, а также и связи последних...

§ 37. Все места, куда заходил наблюдаемый, нужно твердо запоминать и, при первом удобном случае, — записывать: время пребывания, прихода и выхода, улицу, № дома, парадное; если на последнем есть карточка, то запомнить ее и записать...

§ 40. В сведениях должно указывать на те места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники и т. под.), если это уже ранее выяснено...

§ 42. При посещении наблюдаемым какого-либо дома, желательно установить квартиру, в которую он зашел, что сразу удастся сравнительно редко, почему, на первых порах филер ограничивается тем, что узнает, какие № № квартир в том парадном, куда зашел наблюдаемый, и кто там живет (по дверным карточкам)...

§ 51. При встрече наблюдаемого с другими лицами, нужно запоминать их приметы (лицо, костюм), обращать внимание на характер встречи (условный, случайный, сердечный, товарищеский, формальный и пр.), продолжительность разговора, передачу чего-либо и проч., и все это потом записать, а также записать в какой час встретились, в каком месте, сколько времени говорили».

Цит. по: *Перегудова З.И.* Служба наружного наблюдения в русской полиции // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. М., 1995. С. 263, 266–267, 269.

В результате такого подробного наблюдения составлялись соответствующие рапортчики и дневники наружного наблюдения — тексты следующего рода:

Невский «вышел из дома 11 ч. 30 м. дня и на углу Пушкинской ул. и Невского прос. купил газету и пошел на Знаменскую площадь к памятнику Александра III-го где сидел 10 м. и читал газету, встал пошел на Невский пр. дом № 81 в подъезд где меблированные комнаты “Белград”, где пробыл 20 м. Вышел и пошел на Знаменскую ул. дом 6 в магазин ювелир “Марков” скоро вышел и пошел Лиговская ул. дом № 19 в подъезд где контора и редакция журнала Геркулес пробыл 10 м. Вышел и на Жуковской ул. сел в извозчика и поехал на Владимирский проспект дом № 16 во двор где столовая Глория и управление 1-го Московского участка где побыл 15 м. Вышел и пошел Пушкинская ул. д. № 4 московский мучной лабаз где пробыл 5 м. Вышел и имел присибе (так в тексте. — А.Л.) небольшой сверток и пошел Пушкинская ул. дом 10 в магазин чая и фрукты скоро вышел и вернулся домой».

Цит. по: *Сандлер В.* Вокруг Александра Грина // Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 493.

Подобных дневников наружного наблюдения сохранилось около 20 тыс. только по Москве и Петербургу, причем их достоверность считается исключительно высокой³. В основном эти дневники использовались историками для биографиче-

² Перегудова З.И. Служба наружного наблюдения в русской полиции. С. 259.

³ Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). С. 180–181.

ских изысканий, как например, процитированный выше дневник слежки за Александром Грином (Невским), или дневник наружного наблюдения за В.В. Маяковским⁴. Однако целостного анализа этих дневников как массового источника по истории городской повседневности конца XIX — начала XX в. не проводилось, что неудивительно при их большом количестве, особенностях регистрации в архиве и специфическом характере зафиксированной ими информации.

Информации действительно много, но она и избыточна, и однообразна. Кажется, что без контекста в ней совсем нет смысла. Понять по дневнику наружного наблюдения, что перед нами писатель Александр Грин или поэт Владимир Маяковский, практически невозможно. Внутренний мир человека остается за пределами взгляда наблюдателя. Причины и поводы к передвижениям также остаются за рамками дневника. Перед нами просто перемещения объекта в городском пространстве. Такие элементы повседневности, как домашний быт, отношения между людьми, интимная сфера, сфера чувств, да и просто взаимодействия внутри жилых помещений — все это также, разумеется, недоступно внешнему наблюдению.

Но если посмотреть на источник под иным углом зрения, то у него обнаружатся несомненные достоинства, обусловленные именно его обезличенностью, отсутствием индивидуализации. Объект перемещается между значимыми для него точками городского пространства. Перед нами внешний, «материальный» каркас жизни горожанина и одновременно карта его социального мира. Многие регулярно повторяемые действия доступны через этот источник для систематизации и последующей интерпретации. Речь идет о повседневных практиках, которые не часто отмечаются самим деятелем: люди редко описывают в воспоминаниях и дневниках, какие магазины они посещали, считая это самоочевидным и недостойным внимания. Но именно повседневные практики в значительной мере составляют тот пласт частной жизни, который наиболее трудно восстанавливается, а без него полная картина обычной жизни плохо поддается реконструкции. Кроме того, понятно, что дневники наружного наблюдения фиксируют не только повседневные практики перемещения в городском пространстве, они фиксируют основные точки на карте социального пространства — это время, люди и места встреч. Таким образом, перед нами источник, который может быть применен к разнообразным исследованиям. С его помощью могут изучаться проблемы исторической городской антропологии, — например, дневники наружного наблюдения могут быть представлены как проекция возрастных, профессиональных и общественных интересов человека на карту конкретного города. Кроме того, дневники наружного наблюдения могут помочь реконструкции тех социальных сетей, с которыми был связан горожанин начала XX в. Описанию различных аспектов возможного применения дневников наружного наблюдения как источника информации о городском населении и городских социальных сетях начала XX в. и будет посвящена статья.

⁴ Земсков В. Ф. Участие Маяковского в революционном движении (1906–1910) // Новое о Маяковском. Т. 1. М., 1958. С. 486–487. (Лит. наследство, т. 65).

Формирование выборки

Обработать в одиночку 20 тыс. дневников невозможно, поэтому я провел исследование, максимально отражающее возможное многообразие ситуаций на ограниченном поле, воспользовавшись методикой крайних случаев. Прежде всего я решил ограничиться только петербургскими дневниками, которых, в силу известных причин, сохранилось гораздо меньше, чем московских, — около 4 тыс., но дело не только в этом. Дело в систематизации: если описать московских дневников представляет собой сплошной список фамилий, то петербургский каталог систематизирован также и по кличкам, которые позволяют провести определенную выборку. Согласно инструкции, «кличку нужно давать краткую... Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо»⁵. З. И. Перегудова отмечала, что одна из встреченных ею старых революционерок вполне оправдывала данную филёрами кличку⁶. Не менее достоверными и точными кажутся иные клички известных людей, если сравнивать их с имеющимися изображениями: так, у Бердяева была кличка Лохматый, у Милюкова — Грязный, а у Распутина — Темный.

Таким образом, ориентируясь на клички, можно выбрать дневники наблюдений за жителями Петербурга, следуя интересующим исследователя критериям. Меня интересовали возрастные, социальные и профессиональные критерии. Для описания возрастных переменных использовались прежде всего дневники наблюдения за людьми с такими кличками, как Ученик, Гимназист, Школьник, Студент. Для описания социальных переменных использовались либо дневники людей с указанием на профессию (Аптекарь, Рабочий; также иногда профессия уточнялась в самой описи), либо с указанием на благосостояние (Бобровый, Котиковый — по названию воротников на шубах и пальто). Для сравнения в выборку взяты и молодые представители рабочего класса. Разумеется, привлекались и дневники наблюдения за людьми, о которых многое известно и которые вели вполне буржуазный, легальный образ жизни — в первую очередь это члены кадетской партии (П. Н. Милюков, Е. И. Кедрин). Еще один критерий выборки связан с тем, что необходимо разграничить революционера и не революционера. Ответить на многие вопросы нельзя, не сравнив дневники наблюдения за признанными и разоблаченными революционерами с дневниками наблюдения за теми, кто вел легальный образ жизни и попал под наблюдение случайно. Действительно, под наблюдение, в соответствии с инструкцией, часто попадали люди, только заподозренные в оппозиционных настроениях или замеченные хотя бы в случайных связях с революционерами: например, те кто ехал с наблюдаемым в одном поезде, или те, кто встретился с наблюдаемым по работе, — за всеми ними также должна была вестись слежка. Кроме того, под наблюдение время от времени попадали те, кто уже давно отошел от оппозиции, но имел какие-то связи с революционным движением в прошлом. Так что довольно часто следили за обычными горожанами, хотя, безусловно, внимания филёров чаще всего удостоивались те, кто в той или иной степени был причастен к революционному движению. Поэтому в выборку попало несколько нелегальных революционеров: прежде всего это Зинаида Коноплянникова (будущая убийца ге-

⁵ Перегудова З. И. Служба наружного наблюдения в русской полиции. С. 264.

⁶ Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). С. 182.

нерала Минца)⁷ и Фаранзема Кнунянц (младшая сестра одного из активных кавказских революционеров, Богдана Кнунянца, она была арестована по подозрению в участии в группе «Вооруженное восстание»)⁸. Всего было исследовано 30 дневников за 1905–1916 гг., что в силу описанных критериев отбора представляет собой серьезную основу для качественного анализа.

Социальные сети и дневники наружного наблюдения

По выражению М. Хильдермайера, «тонкие структуры и процессы образования сетей познаваемы, естественно, лишь в той мере, в какой они получили формализованное выражение, или каким-то образом прослеживаемы по документальным источникам. Простые разговоры за чаем... в лучшем случае упоминаются в мемуарах, но не годятся для предметных исследований»⁹. С помощью дневников наружного наблюдения эту проблему удастся в какой-то мере разрешить. Однако многие параметры, важные для концепции социальных сетей, не могут быть учтены, а следовательно, и выражены математически. В силу особенностей этих материалов мы часто имеем дело с фрагментами сетей, развернутыми в небольшой временной протяженности. Мы часто не можем понять, как охарактеризовать ту или иную социальную связь — в качестве сильной или слабой, какова плотность социальных контактов. Качественная характеристика описанных в дневниках наружного наблюдения социальных связей не может быть реконструирована достаточно точно, в то время как количественная не реконструируется достаточно полно. Большинство реконструируемых по дневникам наружного наблюдения сетей относятся к так называемым эгосетям, и их графическое изображение имеет характер «звезды», где от одного центра расходится множество лучей, олицетворяющих социальные связи, причем концы этих лучей не связаны между собой. Это значит, что многие характеристики, выраженные количественно, будут идентичными для самых разных людей с чрезвычайно непохожей ситуацией. Кроме того, «для эгоцентричной сети всегда существовала проблема границы»¹⁰. Поэтому в основу анализа должен быть положен в первую очередь анализ так называемых атрибутов — доступных для наблюдения социальных характеристик акторов, таких как возраст, социальное положение, национальные и гендерные характеристики.

Однако не только социологические построения могут позволить нам глубже понимать исторические процессы, но и наоборот — исторические подходы могут помочь значительно углубить понимание социальных сетей. Например, нередко время описывается социологами как искажающий фактор: люди часто не помнят, с кем и для чего они встречались¹¹. Однако историческое исследование демонстрирует, что темпоральные структуры — важнейший актор в социальной сети. Кроме того, не стоит забывать, что в нашем случае в сети социальных контактов

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф 111. Оп 1. Д. 1291, 1244.

⁸ Там же. Д. 1741, 3996.

⁹ Хильдермайер М. Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 года в сравнительном отношении // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 66.

¹⁰ Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М., 2004. С. 51.

¹¹ Там же. С. 59–60.

наблюдаемого присутствует филёр — представитель силовых структур, актуализирующих и учитывающих как раз темпоральную связь. В этом случае у социальной сети появляется новое — временное измерение. В этом измерении социальная сеть видится не системой постоянно действующих социальных взаимосвязей, а скорее неким мерцающим сообществом — связи то актуализируются, то затухают, но никогда не исчезают бесследно.

Это верно для полиции: давно не участвующего в революционной деятельности архитектора берут под наблюдение «для выяснения личности ожидающегося из-за границы анархиста Васьки»¹². Это верно для революционеров: одна из самых понятных нам сетей — это сеть контактов террористки Конопляниковой, ее прячут и передают из рук в руки люди с оппозиционным прошлым, живущие на момент наблюдения вполне легальной жизнью: писатель, а в прошлом народоволец В. Я. Васильев-Богучарский, писательница О. Э. Розенфельд, внучка П. Лаврова, будущий член ЦК кадетской партии А. В. Тыркова, причем координировал эти передвижения писатель, толстовец и эсер А. М. Хирьяков. Такие связи могут переходить через эпохи и актуализироваться уже в советское время, оказываясь роковыми. Так, в 1915 г. под наблюдение полиции попал печатник Николай Сергеевич Колмаков¹³. Он оказался вовлечен в процесс организации типографии в Чубаровом переулке — той самой, в которой меньшевиком, а впоследствии межрайонцем Л. М. Караханом должны были печататься нелегальные социал-демократические издания. Но Николай Колмаков вряд ли был в курсе партийных дел, он закупал машины, отвечал за ремонт помещения, нанимал работников. По крайней мере после ареста Л. М. Карахана печатника Колмакова не тронули. Однако можно предположить, что именно с этим человеком временная включенность в социальную сеть сыграла злую шутку и в будущем актуализированная связь погубила его. В 1937 г. Л. Карахан был расстрелян. Что стало с Николаем Колмаковым, точно неизвестно, но мы знаем, что взятый полицией на заметку Колмаков был печатником и «мещанином города Томска». Как указано в списке жертв политического террора на сайте общества «Мемориал», в 1937 г. по обвинению в меньшевизме был расстрелян житель города Томска, работник типографии «Красная Заря» Николай Сергеевич Колмаков¹⁴. И если перед нами один и тот же человек, то это может служить прекрасной иллюстрацией сложной и, к сожалению, не исчезающей темпоральной характеристики социальной сети.

Городской социум глазами филёра

Описывая объект, филёр должен был его охарактеризовать так, чтобы создать точное впечатление, позволявшее смене (филёры могли сменять друг друга в процессе слежки, чтобы не примелькаться) немедленно опознать наблюдаемого. Интересно, что среди визуальных признаков, кроме особых примет и внешнего вида, иногда встречалась и характеристика социального положения. При этом, как следует из документов, филёры прекрасно знали, каково официальное, сословно-со-

¹² ГАРФ. Ф. 111. Оп 1. Д. 1826 Л. 87.

¹³ Там же. Д. 4347, 1782.

¹⁴ Общество «Мемориал». Списки жертв. URL: <http://lists.memo.ru/d17/f66.htm> (дата обращения: 11.10.2017).

циальное положение того, за кем они следили, они наблюдали и за крестьянами, и за мещанами, и за почетными гражданами, и за дворянами — представителями практически всех слоев сословной структуры империи. Бросается в глаза тот факт, что социальная структура «по документам» и социальная структура, визуализированная в городском пространстве, не совпадали — крестьянина или дворянина на улицах Петербурга начала XX в. уже нельзя было опознать. Если бы мы ориентировались на отчеты полиции, то визуальную, наблюдаемую «социальную структуру» столицы империи могли бы реконструировать так: 1) все, кто носит мундиры (сюда относились и студенты, и гимназисты, и офицеры); 2) интеллигенты; 3) полуинтеллигенты, 4) рабочие.

Филёров обучали отличать друг от друга разные категории горожан, однако визуальные критерии этих различий из дневников наружного наблюдения не совсем ясны. Некоторые из визуальных меток достаточно очевидны и часто, но не всегда совпадают с нашими стереотипами восприятия: так, во всех просмотренных дневниках кепка была только у тех, кого филёры определяли как рабочих, а пенсне или очки носили только те, кто был опознан как «интеллигент»; в же то время шляпу или котелок могли носить все «немундирные» категории — от рабочего до адвоката. Остальные критерии четкому определению не поддаются. В качестве примера приведем три характеристики:

«...Среднего роста шатен, лицо круглое полное, нос мясистый средний, средние рыжеватые усы, бороду бреет, одет — коричневая шляпа, черная накидка, серые брюки».

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 4347. Л. 256.

«...Усы, коричневая с переломами шляпа, коричневое пальто и коричневые брюки».

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1782. Л. 39.

«...С усами средними, одет в пушкинскую шляпу, черный костюм, поношенный и немного выгорелый, черная рубашка, и галстук, и черные ботинки».

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1474. Л. 16–17.

Первый из наблюдаемых был определен как полуинтеллигент, второй — как интеллигент, третий — как рабочий.

Также различался и внешний вид женщины. Правда, в дневники выборки не попала ни одна работница, но филёры отличали интеллигентку и полуинтеллигентку:

«...Полуинтеллигентка лет 22 одета — черная шапка кунья, черный длинный сак, желтый воротник и черная юбка».

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1652. Л. 18.

«...Полуинтеллигентка, лет 22, нос порядочный с малой горбинкой, черная маленьким котелком шляпа и белое платье».

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1474. Л. 12.

«...Интеллигентка, адевайца (так в источнике. — А. Л.) круглая шапка рыжего меха и черный полусак плюшевый и черная юпка (так в источнике. — А. Л.)».

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1863. Л. 51.

Или: «...На вид интеллигентка, котиковая шляпа и каракулевый короткий жакет, черная юбка».

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1826. Л. 75.

Из упомянутых женщин была идентифицирована по профессии одна — первая «полуинтеллигентка», которая оказалась домашней прислугой. Таким образом, внешний вид одежды, по крайней мере в его словесном описании, не помогает понять, почему одного идентифицировали как интеллигента, а другого — как полуинтеллигента.

Имеющиеся контексты говорят о полуинтеллигенте с явным негативным оттенком: известны характеристики этой категории, данные историком армии А. Керсновским или весьма популярным сегодня философом И. Ильиным. Так, первый писал: «Однако с осени 1915 года качественный уровень нашего офицерского пополнения стал резко понижаться. Разросшиеся вооруженные силы требовали все большего количества офицеров. Непрерывные формирования и непрерывные потери открывали десятки тысяч новых вакансий. Пришлось жертвовать качеством. Служилое сословие было уже обескровлено. Интеллигенция так или иначе “приспособилась”. Новых офицеров пришлось набирать в полуинтеллигенции. Университетские значки мелькали на защитных гимнастерках “земгусар”, а в прапорщики стали “подаваться” окончившие городские училища, люди “четвертого сословия”, наконец, все те, кто “пошел в офицеры” лишь потому, что иначе все равно предстояло идти в солдаты... Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщичьих погонах командовал ротой... Он мог их повести в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал»¹⁵.

Наиболее неистовая и наиболее известная характеристика «полуинтеллигента» принадлежит И. Ильину, который с помощью этой категории описывал носителей революционного мышления и относил к ней вполне определенные социальные слои: «А главный кадр партии вербуются из претенциозных полуинтеллигентов и неудачников всех сортов и классов. Сюда идут “обиженные” народные учителя, мелкие газетные сотрудники, бездарные писатели (вроде Луначарского), не устроившиеся техники; извергнутые из сана священники (вроде Горева-Галкина); скомпрометированные полууголовные типы; верхний слой честолубивых рабочих; содержатели дурных заведений; недоучившиеся студенты и т. д. Словом, вся та отбившаяся и выброшенная социальная пыль, которую создает капиталистический строй, пролетаризируя людей и не устраивая их, раздражая их властью, комфортом и роскошью и оставляя их в лишениях»¹⁶.

Известный консервативный публицист М. О. Меньшиков называл «полуинтеллигентным» современный пролетариат, имея в виду прежде всего его стремление не к образованию, а к соответствующему образу жизни: ««Достигнув почти всех уровней буржуазии, нынешний полуинтеллигентный, соблазненный чужой роскошью пролетариат перестает быть циником и становится эпикурейцем. Дешевые и доступные ботинки чрезвычайно быстро делаются органически необходимыми

¹⁵ Керсновский А. А. История русской армии. В 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 249–250.

¹⁶ Ильин И. А. Что за люди коммунисты? // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. Статьи 1948–1954 гг. Париж, 1956. С. 510.

для человека, десятки поколений предков которого ходили или босиком, или в лаптях. А дешёвые ботинки внушают зависть к дорогим, уже недоступным; момент социального раздора...»¹⁷

Нетрудно заметить, что все три упомянутых автора весьма негативно настроены по отношению к революционному движению, что вполне согласуется с охранительной функцией наружного наблюдения, и их характеристика «полуинтеллигента» чрезвычайно политизирована. Также бросается в глаза, что в этом контексте понятие «интеллигенция» связано с положительными коннотациями, которые идут на убыль в соответствии с количественными характеристиками языковых структур: «полу» здесь явно означает недостаток интеллигентности. Однако, хотя социальная принадлежность «полуинтеллигенции» понятна, принципы ее визуализации, видимо, очевидные современникам, для нас остаются не очень ясны.

В некоторых случаях у нас есть описания объектов слежки, данные помимо полицейских структур. Так, внимание филёров привлёк человек по имени Ян Гузик¹⁸, личность небезызвестная в дореволюционном Петербурге: он был хиромант и медиум, проводивший платные сеансы общения с духами. О нем сохранились упоминания в мемуарной литературе, причем общее ощущение от этих описаний довольно удручающее. Так, в своем дневнике за 1913 г. Александр Блок пишет: «Спиритический сеанс. Несчастный, щедушный Ян Гузик, у которого все вечера расписаны, испускает из себя бедняжек... Сидели трижды, на третий раз я чуть не уснул, без конца было. У Гузика болит голова, надуваются жилы на лбу, а все обращаются с ним, как с лакеем...»¹⁹ Еще более уничижающая характеристика дана в воспоминаниях Н. Петровской: «Ян Гузик появился в гостиной Хомякова перед нарядной публикой, с приятным внутренним щекотанием ожидающей наплыва спиритической жути, совсем как призрак. Более отвратительного существа я в жизни моей не видала. Небольшой, весь какой-то узкий, с зеленовато-трупным лицом, с зеленоватыми же, словно замершими, глазами, по моему впечатлению даже холодный и сыроватый наощупь, в узко облегающем узкое тело, словно пропитанном плесенью сюртуке, он как-то странно мигал от яркого света и жался к стенам»²⁰. Кличка, данная Гузику при наблюдении была Скунсовый, и он был идентифицирован как интеллигент.

Из приведенных примеров следует, что филёр определял кто перед ним — интеллигент, полуинтеллигент или рабочий, не только по типу одежды, хотя именно последний и зафиксирован в рапортах. Скорее всего, речь идет о некотором комплексе внешних признаков, возможно, включавших стоимость и состояние одежды, внешность, манеру поведения, может быть, выражение лица.

Приходится констатировать, что тонкости визуализации социальных структур, очевидные для современников, для нас могут быть совершенно не очевидны. Однако остается несомненной сама основа визуальной классификации — то обстоятельство, что именно характеристика «интеллигент» была положена филёрами в основу этой своеобразной городской стратификации: нет ни полурабочего, ни

¹⁷ Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.) Вып. IV. М., 1994. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. С. 104.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1826. Л. 45.

¹⁹ Блок А. Дневник 1917–1921. Л., 1928. С. 162.

²⁰ Петровская Н. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. Т. 8. М., 1992. С. 73.

полувоенного, зато был отмечен полковник «интеллигентной наружности» и генерал-майор — «интеллигент». Какую же реальность отражает эта интеллигентоцентричная классификация городского населения: реальность столичной жизни или специфику полицейского взгляда на мир?

При ответе на этот вопрос надо принять во внимание косвенные данные по лучше сохранившимся полицейским материалам Москвы: они показывают, что интеллигенция могла и не быть основным объектом слежки, больше внимания уделялось студентам и рабочим²¹. Интеллигент не являлся безусловным оппозиционером для филёра, это всего лишь визуальная характеристика, которая относится к людям самых разных занятий, профессий и облика. В данном случае мы видим, как в визуальном пространстве города проявляется типичный средний класс, образованные буржуа, однако в России не было соответствующего общепринятого термина, что и заставляло филёров использовать интеллигентов как точку отсчета. Интеллигент в данном контексте — горожанин с соответствующим стилем поведения, одеждой и манерами. Таким образом, интеллигенция по умолчанию становилась визуальной доминантой социального столичного пространства.

Социальное пространство города

Если среди социологов еще иногда дискутируются вопросы о том, включать в социальные сети учреждения или фиксировать только людей, то для полиции начала XX в. такой вопрос не существовал, фиксировались все контакты объекта. Типичная схема передвижения современного нам горожанина «дом — работа — дом» прослеживается неоднократно. Взятый под наблюдение чертежник новостроящегося завода «Железо-цемент» Кондрашкин Д. Я. (24 года) за неделю слежки посетил только две точки — дом, в котором он проживал, и завод, в постройке которого он участвовал. Типичный день слежки за ним выглядел примерно так: филёры всегда приходили позже, чем он уходил, — около 10 они начинали следить за домом; около 12.30 объект приходил обедать, уходил на работу и возвращался примерно в 18.30; после из дома он не выходил. И так продолжалось всю неделю слежки²². С этой точки зрения совершенно не отличается от чертежника Кондрашкина лидер кадетской партии П. Н. Милюков. Например, в 1913 г. за ним следили две недели в октябре и неделю в ноябре. Из всех зафиксированных полицией контактов человеком был только один персонаж — та, кого полицейский надзиратель называет «любовницей Милюкова». Все остальное — это учреждения, причем пальму первенства держит политическая жизнь: девять раз посещена Дума, два раза — редакция газеты «Речь»²³. То же касается и горного инженера Ивана Алексеевича Корзухина, который перемещался между домом, Горным департаментом и редакцией «Вестника финансов» все десять дней наблюдения за ним²⁴.

²¹ Бородкин Л. И., Копылова О. Н. База данных «Картотека агентурного отдела Московского охранного отделения»: к анализу социального портрета // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 28. 2001. С. 163.

²² ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 4347.

²³ Там же. Д. 2326.

²⁴ Там же. Д. 1849.

Вряд ли такое распределение перемещений по городскому пространству может нас удивить: чем более социализирован человек, чем больше он вписан в структуру институтов и организаций, тем более эти перемещения однообразны и утилитарны. Все необходимые такому горожанину встречи происходят внутри организаций и институтов, т.е. его социальные контакты сосредоточены внутри группы лиц с такими же социальными характеристиками, существующих, так же как и он, в «институционализированном» городском пространстве. По-иному складывается карта социальных и пространственных перемещений либо у людей отдельных профессий, либо у иных возрастных категорий, либо у нелегальных оппозиционеров.

Самая обширная территория перемещений по городу из всех тридцати случаев — у архитектора Константиновича²⁵. За ним следили три месяца в 1914 г. Поскольку в Петербурге он жил давно, то уже сложилась сеть личных контактов в месте проживания, также сложилась обусловленная профессией сеть заказчиков и поставщиков. В итоге у этого успешного архитектора самые протяженные траектории перемещений: от Царского Села (где он руководил строительством церкви) до Удельного парка. Константинович живет на Большом проспекте Васильевского острова, там же находятся знакомые ему продовольственные магазины, парикмахерские и ломбарды, там живут его друзья, но заказчики могут жить и в районе Летнего сада и Фонтанки, а исполнители — в том числе на самых дальних окраинах. Таким образом, можно выявить устойчивый центр его городского существования, связанный с личными потребностями и лично важными связями, а также и периферию — сферу профессиональных контактов, рассыпанных по самым разным районам. Причем заказчики проживают в более фешенебельных районах, чем он сам, а исполнители — в более пролетарских, если судить по данным о ценах на жилье в Петербурге начала XX в.

Если взять для сравнения дневники наблюдения за революционерами, то можно обнаружить определенные отличия. У последних устойчивого центра нет, хотя по количеству и интенсивности контактов революционеры-подпольщики архитектору не уступят. Но контакты избранных нами революционерок — Кнунянц и Коноплянниковой — рассредоточены и как бы вытянуты вдоль границ центральной части города. Размещение этих людей точно коррелирует с ценой на жилье, в основном они живут в районах так называемой средней ценовой категории. Возможно, отсутствие «личного центра» объясняется тем, что обе они приезжие и живут в городе недолго. Причем особенно заметно, что в отличие от хорошо социализированных профессионалов приезжие революционерки опираются не на учреждения, а на людей, что, в каком-то смысле вполне согласуется с понятием нелегальной работы. Это прочная опора на сеть личных связей, необязательно партийных. У Кнунянц были довольно обширные связи в армянской диаспоре Санкт-Петербурга: пять из тринадцати зафиксированных ее контактов носят армянские фамилии, из них арестована вместе с революционеркой только одна знакомая, и то случайно, — иначе говоря, контакты в армянской диаспоре не совпадали с контактами в революционной среде.

²⁵ Там же. Д. 4347.

Дифференциация городского социума

Если возвратиться к визуальной социальной дифференциации, то соответствие объекта своему слою было очевидно для филёра. К примеру, в дневнике наблюдения за архитектором Константиновичем есть любопытный эпизод: «объект» встретился с неизвестным. В полном соответствии с инструкцией один из филёров проследил за этим неизвестным. Им оказался художник по фамилии Ткаченко. Этот художник зашел в один из домов по Сергиевской улице, а в какую квартиру, выяснить не удалось. И когда полицейскому надзирателю последовал соответствующий запрос (а согласно инструкции, именно полицейский надзиратель должен был предоставить филёру сведения о квартирах, в которые мог зайти объект), он сначала не понял, что от него хотят и решил, что нужно найти в поднадзорном ему доме человека, соответствующего приметам. По мнению надзирателя, в его доме этим приметам мог соответствовать некий Уден Адольф Георг, массажист 54 лет, лютеранин и шведский подданный, которого приглашают для массажа в различные дома. Но потом, когда надзирателю разъяснили, что нужен не человек, соответствующий приметам художника, а тот, к кому художник мог пойти, полицейский надзиратель доложил: художник мог пойти только к присяжному поверенному Вячеславу Новицкому. Таким образом, с точки зрения полиции, художник мог быть похож на массажиста, но приходить к массажисту в гости или по делу он не мог²⁶. Интеллигент общается с интеллигентом — это кажется филёру очевидным, потому можно встретить в документах слежки такую фразу: к кому прошла «интеллигентная барышня, определить невозможно, поскольку дом населен в основном интеллигентной публикой»²⁷. Интересно, что речь идет на самом деле не только о представлениях филёра. Анализ дневников наблюдения показывает, что общение по большей части ограничивалось своей социальной средой: рабочие крайне редко встречались с интеллигенцией и наоборот, и если это происходило, то только в тех случаях, когда слежка велась за теми, кто явно был замешан в революционной деятельности.

Реальный горожанин начала XX в. жил в маленьких и замкнутых мирах, очень похожих на наши; эти маленькие миры особенно заметны при знакомстве с дневниками наружного наблюдения. Филёр в своем отчете убирает важную составляющую городской жизни — населенность улиц, огромное количество визуальных и аудиоконтактов. Отчет полиции как бы выключает постоянный социальный шум, который окружает горожанина; объект и его филёр плывут в пустоте и тишине, и именно это обстоятельство позволяет проявиться маленьким социальным мирам настоящего городского существования.

Прежде всего бросается в глаза возрастное расслоение городской среды. Так, взятый под наблюдение учащийся Королев за два с половиной месяца встретился более 20 раз со своими ровесниками и всего 3–4 раза — с людьми старше себя или с людьми, чей возраст не определен²⁸. Конечно, он, возможно, встречался с родителями или квартирантами своих однокашников, когда приходил к ним в гости, но целью визитов (по крайней мере по мнению филёров), были встречи с ровесни-

²⁶ Там же. Д. 1826. Л. 28.

²⁷ Там же. Д. 1786 Л. 1–2.

²⁸ Там же. Д. 1863.

ками. Этому могла способствовать сама возрастная структура петербургского населения: согласно данным переписей, население в возрасте до 20 лет составляло около 38 % населения столицы в 1910 г.²⁹ Поэтому для молодого человека люди его возраста могли быть вообще постоянной средой обитания. Так, в 1913 г. под наблюдение попадает 19-летний учащийся политехнических курсов Тимон Кашлик. Он проживал в квартире на Воронежской улице, и вместе с ним там жило еще 14 человек, средний возраст которых составлял 23, 5 года, причем девяти из пятнадцати было от 19 до 21 года³⁰. Однако перед нами не просто город с молодым приезжим населением. Наблюдение за представителями более старшего возрастного слоя показывает, что речь идет о проявлении определенной социально-возрастной дифференциации. За архитектором Константиновичем наблюдали в 1914 г. с января по начало марта. Прослежено было 17 контактов. Средний возраст тех, с кем встречался архитектор, — 39,5 лет, причем младшему было 34 года, самому старшему — 67 лет, а самому объекту наблюдения — 40 лет³¹. Так и 22-летняя Любовь Викторовна Колосовская, домашняя учительница, за которой следили несколько недель в 1906 и 1907 гг., встречалась с людьми 23–24 лет³², а видный кадет Е. И. Кедрин, которому в 1907 г. было 56 лет, встречался по партийной работе со многими людьми («5 марта... на Потемкинскую д. 7, там был 2. 20. Вышел с целой партией интеллигентов и полуинтеллигентов человек 15...»³³), однако его специальные, непартийные встречи ограничивались кругом людей, из которых самой младшей была его любовница сорока одного года.

Старшие занимают более авторитетные и властные позиции, что заставляет обращаться к ним с теми или иными просьбами. Упомянутый выше 19-летний студент Тимон Кашлик, проживавший в квартире с молодыми чернорабочими, специально встречался только с одной из своих ровесниц — прислугой 19 лет, с которой он, по утверждению полицейского надзирателя, время от времени «вместе гулял». Остальные его зафиксированные встречи — это встречи с людьми значительно старше него, и речь в основном идет о сотрудниках учреждений и редакторах газет. Так, он встретился с Шимановским, редактором «Сельского вестника», 35 лет, с Константином Хряпиным, сотрудником «Петербургской газеты», 44 лет, а был взят под наблюдение, когда выходил из редакции меньшевистской газеты «Луч». Кроме того, в подавляющем большинстве случаев квартировладельцы были значительно старше своих квартирнанимателей. Примеров можно приводить много: так, в трехкомнатной квартире при семье 43-летнего квартировладельца жили 29-летний и 23-летний съемщики³⁴; квартирная хозяйка 49 лет сдавала комнаты 4 нанимателям, самому старшему из которых было 29 лет, двоим — 23 года, а младшей, крестьянке, — 20 лет³⁵. В дневниках слежки зафиксированы и другие ситуации, например, отобразен случай, когда квартиру содержала 29-летняя мещанка, а из 13 ее жильцов пятеро были значительно старше — их возраст составлял от 39

²⁹ Рашин А. Г. Население России за сто лет. Статистические очерки. М., 1956. С. 280–281.

³⁰ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1652.

³¹ Там же. Д. 4347.

³² Там же. Д. 4348.

³³ Там же. Д. 1659. Л. 7.

³⁴ Там же. Д. 1782. Л. 3.

³⁵ Там же. Д. 1617. Л. 8.

до 53 лет³⁶, однако основное правило все же было таково: старшее поколение занимало более привилегированное положение в городской среде, и младшее было вынужденно к этому приспособливаться.

Представители разных возрастных групп в начале XX в. демонстрировали разные практики брачной жизни. Упомянутый выше Е. Кедрин (60 лет) состоял в связи, которую мы назвали бы гражданским и дислокальным браком, но в его поколении такие отношения было принято скрывать, и поэтому жили влюбленные в разных квартирах, хотя и недалеко друг от друга³⁷. Среди тех, кто был помладше, не оформленные церковным браком отношения тоже были распространены, единственное отличие заключалось в том, что в начале XX в. представители младшего поколения могли уже не стесняться совместного проживания с гражданским мужем/женой. О частоте таких связей судить достаточно сложно, но когда, допустим, в 1908 г. в очередной раз надо было предположить, в какую из квартир мог отправиться «объект», на выбор полицейским надзирателем было предложено два варианта: в обеих квартирах проживала молодежь, и в каждой была пара, живущая в гражданском браке: в квартире № 16 — 29-летний мещанин и 23-летняя «жена статского советника», а в квартире № 22 — 20-летний студент Горного института и 23-летняя «мещанка г. Шлиссельбурга»³⁸.

Возрастной сопутствует ожидаемая дифференциация по занятиям: круг встреч архитектора связан с его работой. В период наблюдения за ним он строил храм в Царском Селе, в казармах 4-го полка. Он встречался с заказчиками: представителями Синода, с художниками, с производителями цемента, с «содержателем столярно-позолоточной мастерской». Круг встреч гимназиста Королева — учащиеся средних учебных заведений. Взятый под наблюдение рабочий встречается с рабочими³⁹.

Еще одна очевидная дифференциация — гендерная. Занятия и возраст разводят представителей одной семьи на улицах города в разные сектора повседневности, и те, у кого есть дети и жены, практически не заметны на улицах с семьей. Семейный П. Н. Милюков только один раз вышел на улицу с сыном-студентом за два месяца наблюдений⁴⁰. Упомянутый архитектор Константинович за три месяца наблюдений показался на улице с женой три раза, причем сына супруги они взяли с собой только один раз⁴¹. В этом отчасти проявился гендерный аспект городской жизни: мужчины редко показывались с детьми. Единственный человек из всех, чьи дневники наблюдения мне удалось обработать, который постоянно появлялся с ребенком (3 дня за 10 дней наблюдения) — это женщина, она брала с собой ребенка на скачки, в ресторан, на Главпочтамт и к портнихе. Возможно, это было связано с тем, что она только что вернулась из-за границы и еще не успела найти надежную прислугу, оставляя, если надо, ребенка с сожителем⁴².

Из просмотренных дневников основное их количество прослеживает мужские социальные траектории, основной круг их контактов — мужчины (что согласуется

³⁶ Там же. Д. 1863. Л. 38–39.

³⁷ Там же. Д. 1659.

³⁸ Там же. Д. 1617. Л. 8.

³⁹ Там же. Д. 4348, 1474.

⁴⁰ Там же. Д. 2326. Л. 13.

⁴¹ Там же. Д. 4347. Л. 26, 50, 103.

⁴² Там же. Л. 234–236.

прежде всего с занятиями «объектов»). В то же время из пяти просмотренных дневников наблюдения за женщинами можно сделать вывод, что хотя гендерная однородность сохраняется и в этих случаях, среди женщин она устроена более сложно и интересно. Если мы посмотрим на дневники наблюдения за женщинами, то выяснится, что все они незамужние, у одной есть внебрачный ребенок, возраст — от 18 до 27 лет, две из них — революционерки, две попали под наблюдение из-за контактов с подозреваемыми, одна — по подозрению, в дневнике не обозначенному. Гендерное распределение их социальных сетей таково:

1. На всякий случай взятая под наблюдение Л. Колосовская, домашняя учительница, целиком существует в гендерно-замкнутом пространстве. За ней следили по несколько недель в 1906 и 1907 гг. За это время зафиксировано пять встреч: одна с семейной парой, одна с мужчиной и три с женщинами. Работала Колосовская учительницей, в 1906 г. она давала уроки девочкам на дому, в 1907 г. работала в женском училище Терезии Ольденбургской⁴³. Таким образом, ее пространство почти однородно с гендерной точки зрения.
2. В. Пирумова взята под наблюдение, поскольку жила в комнате с Ф. Кнунянц. За ними следили 10 дней. За это время у В. Пирумовой зафиксировано десять контактов, из них семь — с женщинами. Это прежде всего ее соученицы (четыре из семи). Скорее всего, В. Пирумова была в курсе революционной работы своей подруги (во всяком случае, полиция и ее арестовала), но была больше вовлечена в учебную жизнь. Остальные — молодые женщины, живущие своим трудом (зубной врач и акушерки).
3. Следующая — сама Ф. Кнунянц. Ее причастность к революционной деятельности несомненна⁴⁴. За указанные 10 дней зафиксировано тринадцать встреч, из них две — с парами, четыре — с мужчинами и семь — с женщинами. Стоит указать, что по крайней мере пять из этих тринадцати контактов происходили внутри армянской диаспоры, к которой принадлежала Кнунянц.
4. Наиболее известная из наших персонажей — террористка, эсерка Зинаида Коноплянникова⁴⁵. За ней следили почти 20 дней, и за это время было зафиксировано девять встреч, из них пять — с парами, но все встречи с одинокими людьми — встречи с женщинами.
5. И наконец, наиболее, так сказать, экзотическая из женских персонажей — Софья Коган, артистка, живущая с сожителем и внебрачным ребенком. За ней следили также 10 дней в 1914 г. За это время было зафиксировано пять встреч, из них три — с мужчинами и две с женщинами, причем одна из женщин была ее сестрой, а вторая — портнихой.

Таким образом, предварительные наблюдения показывают, что при общей гендерной ориентированности социальных сетей изменения и мутации происходят в тех из них, которые были связаны с ситуациями, для общества «пограничными», — у артистки и революционерок. Так, если мы посмотрим на общее количество контактов Ф. Кнунянц, то из двадцати пяти отмеченных личных встреч двенадцать

⁴³ Там же. Д. 4348.

⁴⁴ См.: Кнунянц-Ризель Ф. В Бакинском подполье // Женщины в революции. М., 1959. С. 73–80.

⁴⁵ См. напр.: Кан Г. Зинаида Коноплянникова и убийство генерала Г. А. Мина // Российская история. 2015. № 5. С. 99–117.

приходятся на встречу с одними и теми же мужчинами (Чеховским и Щукиным, по делу которых она и была арестована), а наиболее частыми сопровождающими Коноплянникову были двое мужчин. Это притом что у наблюдаемых, которые вели более спокойную жизнь, таких прочных связей не устанавливалось. Размывание гендерных границ социальных сетей можно видеть не только в области «богемной» личной жизни, но и в рамках революционной деятельности. То же можно сказать и о мужчинах. Существует дневник наблюдения за одним из руководителей организации, по делу которой была арестована Ф. Кнунянц, — Чеховским⁴⁶. Ему было 23 года, и он единственный из всех мужчин, дневники наблюдения за которым были исследованы, у которого и количество, и интенсивность контактов с женщинами приближается к половине всех зафиксированных контактов. Так что повседневность революционного движения уже до всякой революции подготавливала почву для изменения гендерных стереотипов хотя бы в самой революционной среде.

Предложенные исторические наблюдения позволяют внести уточнения в социологические представления о городе и устройстве социальных сетей. Самое важное — это то, что благодаря проведенному анализу многие социальные явления городской жизни начала XX в. переходят из разряда умозрительных в разряд эмпирически наблюдаемых явлений, т. е. наши рассуждения о тех или иных их особенностях приобретают более строгую основу.

Прежде всего мы видим, что представление о столичном городском сообществе как о «плавильном котле» имеет смысл только с точки зрения размывания сословных границ. Но иные границы — возрастные, гендерные, профессиональные — сохраняют свою замкнутость и прочность, хотя и наличествует тенденция к их размыканию. Именно эти границы и определяют конфигурацию сообщества, в которое входит объект наблюдения полиции. Менее всего заметны на улицах города семейные и родственные связи, и не потому, что их нет, а потому, что они как бы закапсулированы в пространствах домов. Городские улицы оказываются не местом преодоления социальных границ, а местом их утверждения. А учреждения, квартиры и дома — это места встреч: родителей и детей, мужчин и женщин, взрослых и юных. Там же, в капсулах квартир, происходят и социальные контакты, школьники и студенты живут бок о бок с чернорабочими и рабочими, поскольку родители вынуждены сдавать квартиры жильцам в наем⁴⁷.

Однако, как мы видели, в сфере произвольных, наблюдаемых на улицах, непринудительных контактов это смешение фактически не выносятся: родители выходят без детей, рабочие борются с режимом без школьников, а учреждения закрыты для тех, кто в них не состоит. Дело в том, что городское сообщество начала XX в. уже позволяет своим участникам эти связи пространственно разнести, выделив для каждого «куска» социальных взаимодействий свой, часто пространственно локализуемый сектор повседневности. И город — это не плавильный котел, отменяющий социальные границы, это место, где границы проходят по-иному: вне сословных структур сохраняются гендерные и возрастные, которые, в свою очередь, преодолеваются на специально отведенных местах — пространственно или социально структурированных. Квартира, где вместе обитают люди разного образа жизни, — такое место. Сообщество подпольщиков — такое место. В каком-

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3996.

⁴⁷ Там же. Д. 1863.

то смысле город позволяет пространственно закрепить происходящие перемены, окончательно превратив их в факт повседневной жизни. Именно там, в пространственно разнесенных, изолированных секторах повседневности и формируется то, что мы называем конфликтом отцов и детей или межпартийной борьбой, т.е. зреет современность. Хотя сейчас мы и заменили личные встречи телефонными звонками и интернет-общением, многие явления и дифференциации схожи с нашими и начали размываться только сейчас. Это указывает в числе прочего и на то, что никакие катастрофы XX в. не были в состоянии поколебать закреплённые в физическом городском пространстве социальные структуры и социальные связи.

References

- Borodkin L. I., Kopylova O. N. Baza dannykh "Kartoteka agenturnogo otdela Moskovskogo okhrannogo otdeleniia": k analizu sotsial'nogo portreta. *Informatsionnyi biulleten' Assotsiatsii "Istoriia i komp'iuter"*, 2001, no. 28, pp. 160–163. (In Russian)
- Gradosel'skaia G. V. *Setevye izmereniia v sotsiologii*. Moscow, Novyi uchebnik Publ., 2004, 248 p. (In Russian)
- Fomushkin A. Stranitsy istorii filerskoi sluzhby politicheskoi politsii (1880–1917 gody). *Zhandarmy Rossii*. St. Petersburg; Moscow, Izdatel'skii dom "Neva"; OLMA-Press, 2002, pp. 355–393. (In Russian)
- Hildermeier M. Obrazovannyi sloi i grazhdanskoe obshchestvo: razvitie v Rossii do 1917 goda v sravnitel'nom otnoshenii. *Intelligentsiia v istorii. Obrazovannyi chelovek v predstavleniiakh i sotsial'noi deistvitel'nosti*. Moscow, IVI RAN, 2001, pp. 56–68. (In Russian)
- Kan G. Zinaida Konopliannikova i ubiistvo generala G. A. Mina. *Rossiiskaia istoriia*, 2015, no. 5, pp. 99–117. (In Russian)
- Kersnovskii A. A. *Istoriia russkoi armii*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Golos Publ., 1994. (In Russian)
- Peregudova Z. I. *Politicheskii sysk v Rossii (1880–1917)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 432 p. (In Russian)
- Peregudova Z. I. Sluzhba naruzhnogo nabliudeniia v russkoi politsii. *Reka vremen. Kniga istorii i kul'tury*. Book 1. Moscow, Reka Vremen — Ellis Lak Publ., 1995, pp. 255–274. (In Russian)
- Rashin A. G. *Naselenie Rossii za sto let. Statisticheskie ocherki*. Moscow, Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1956, 352 p. (In Russian)
- Zemskov V. F. Uchastie Maiakovskogo v revoliutsionnom dvizhenii (1906–1910). *Novoe o Maiakovskom*. Vol. I. Moscow, AN SSSR Publ., 1958, pp. 433–540. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2017 г.

Рекомендована в печать 30 марта 2018 г.